

Счастливец Александр Николаевич

СУБЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ТИПА

В статье рассматриваются психические механизмы преступного поведения, анализируются переходы психических состояний как последовательной мотивации преступления, выявляются коммуникативные связи между психикой и сознанием преступного типа. Особое внимание уделено разбору формирования асоциальной и антиправовой установок и сознательному процессу построения преступного умысла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 175-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

INVESTIGATION AGAINST VALAAM FATHER SUPERIOR DAMASCENE

Suslov Andrei Vladimirovich (hieromonch Agafangel)

Orthodox St. Tikhon Classical University

Agafangel01@ya.ru

The author describes difficult intra-monastery relations in Valaam in the middle of the XIXth century, considers a conflict situation, which occurred due to the investigation, instituted against Father Superior Damascene on some subordinates and monastery brethren's information against him, basing on archival documents traces the investigation process, the interrelations of the Father Superior with the exiles, brethren; and also considers the participation of St. Petersburg Eparchy archpriest archimandrite Ignatius (Bryanchaninov) in the monastery conflict resolution and the reconciliation of Valaam brethren.

Key words and phrases: Valaam monastery; Father Superior Damascene; disciplinary problems in monastery; subordinates; investigation against Father Superior; conflicts investigation.

УДК 343.953

Юридические науки

В статье рассматриваются психические механизмы преступного поведения, анализируются переходы психических состояний как последовательной мотивации преступления, выявляются коммуникативные связи между психикой и сознанием преступного типа. Особое внимание уделено разбору формирования асоциальной и антиправовой установок и сознательному процессу построения преступного умысла.

Ключевые слова и фразы: личность; преступный тип; деградация; психика; целезамещающее представление; комплекс; переживание; коммуникация; преступный умысел.

Счастливец Александр Николаевич, д. филос. н., доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации (Второй Тамбовский филиал)

a.alter2010@yandex.ru

СУБЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ТИПА[©]**Введение**

Переход ко сну означает разрыв установленных бодрствующим сосредоточением ассоциаций и установление произвольных связей. Живой носитель рассудка отдыхает в сменах медленного и быстрого, глубокого и поверхностного сна, то есть в переменах скорости ассоциаций. Именно такие перемены скорости ассоциаций требуются в процессе решения задачи. Поэтому полусон учит дисциплине поиска. Никто не знает алгоритма решения новой задачи, но новые задачи неизбежны. И только от самого человека зависит, принять эту единственно человеческую реальность, или бежать от нее — в иллюзии, галлюцинации. В зависимости от того, что индивид ставит перед собой в качестве цели — эвристическую работу над собой или бегство от реальности, — формируется творческий тип или создаются условия для *преступного типа* личности.

Предметом рассмотрения в данной статье являются психические механизмы преступного поведения. Наряду с *методами*, используемыми в юридической психологии, применяется методика анализа переходов частично осознанных психических состояний как последовательной прогрессирующей мотивации преступного поведения. Результатом исследования является обнаружение устойчивых коммуникативных связей между запущенной витальностью и сознанием преступного типа как психический механизм внешнеобвиняющей установки. Первый раздел посвящен рассмотрению амбивалентной природы личности и процессы выбора направленности личности в зависимости от степени обработки психических реакций. Во втором разделе разбирается формирование асоциальной и антиправовой установки в процессе субличностной коммуникации. В третьем разделе изучается сознательный процесс построения преступного умысла в его связях с переходными психическими состояниями.

1. Личность как дилемма

Личность амбивалентна по своей системной сущности. Личность представляет собой либо объект, самостоятельно развивающийся в форме индивидуальной *градации* своих психических и сознательных субъектов, либо демонстрирует общую их *деградацию* вплоть до преступного типа. Без этого необходимого выбора как условия существования она не может управлять собой в качестве функциональной системы. Иначе говоря, личность не может стать функционером своей психики, не деградируя. Личность — это всегда *дилемма*. Либо я пробуждаюсь в момент открытия, либо продолжаю пребывать в полусне мыслительных привычек. Поэтому когда используют понятие «личность», всегда следует указать сознательную интенцию, определяющую

вектор ее мотивации. Личность существует как индивидуальный мир. Если же мысль схватывает только субъект, который всего лишь *функционирует*, то личность в качестве индивидуального мира исчезает из поля зрения. У психики же и у мозгового носителя сознания нет такой дилеммы. Психика может быть перегружена или недогружена сознательными задачами, мозг может выдерживать или не выдерживать нагрузки, но психика как всего лишь принцип живого, так же как и мозг, не может понять причин перегрузок. Психика не владеет этим «или», а лишь выполняет то, что ей поручено условиями среды. А к условиям среды она безразлично относит как биотические или социальные обстоятельства, так и нагрузки со стороны мышления.

Личность представляет собой объект, градуирующий действительность, или ее нет. В соответствии с этой двойственностью личность структурирует свое социальное пространство. Такова объективная двуправленная онтология личности, управляющей своей субъектной структурой. Этот индивидуальный мир сам определяет каждому своему субъекту — субъекту наблюдения, анализа, оценки — его место в социальном пространстве, тем самым устанавливает уровень функционирования соответствующих отделов мозга. Другими словами, характер функционирования носителя сознания зависит от градации или деградации личности во времени. Градация означает индивидуальное развитие во времени, деградация означает остановку и разложение в пространстве — социальном, живом и физическом.

У психики самой по себе нет никакого собственного интереса или желания развиваться или распадаться, становиться высокоорганизованной или терять организацию. Ей совершенно безразлично то, что о ней думают. Она только чувствует большее или меньшее напряжение, удовлетворение или неудовлетворение ее элементарных потребностей в случае преступного типа, перегрузку или релаксацию. Но что эти направленности личности означают вместе как форма существования и как понятие такого бытия в условиях выбора, ее совершенно не интересует. Психика не «существует между» (*inter esse*) понятиями, между субъектами, личностями, как существуют личности в межличностных отношениях. То есть психика не читает социальные значения и личностные смыслы, как читает их личность, в частности, индивидуальный интеллект.

Психика как система реакций живого организма на изменения среды функционирует на своем уровне по отношению к внешним для нее требованиям, с одной стороны, выживания и, с другой — творчества. В случае высших потребностей личности творческая задача вынуждает психику развиваться в своих эмоциях до степени воспитанных чувств и интуиции. Но что представляет собой «творческая» задача личности *преступного типа*? Только распутать систему защиты вожделенного объекта. Как и для всякой потребности, для элементарной потребности должны быть найдены соответствующие ресурсы, а именно всего лишь *витальные* ресурсы [2, с. 531], такие как информация, время для сдерживания психических расстройств, каких у преступного типа личности предостаточно, и волевая регуляция поведения.

Но психика как всего лишь необработанная эмоциональная психика живого индивида не отличает творчество от выживания. От них эта невозделанная в культуре, или всего лишь *сенсорная*, психика может принимать лишь электрохимические сигналы об изменениях физической среды и сигналы об удачном или неудачном решении осознанной криминальной задачи и отвечать переживанием положительных или отрицательных эмоций. Эти элементарные психические переживания, в свою очередь, могут служить всего лишь сигналами для регулирующей ассоциативной деятельности личности преступника. Но сама эта ассоциативная деятельность преступного типа ограничена элементарными потребностями.

Те же элементарные психические переживания, например, отрицательные, могут служить и *сигналами* для деградации. Так, психике безразлично также и то, градуирует ли личность временной континуум, или она, эта личность, деградирует. Индивиду как всего лишь живому существу равно приятны и хороший обед, и успешно решенная задача. Ему равно неприятны и плохая пища, и отравленный воздух, и горечь неудачи. Эти *сообщения* безразличной к источникам эмоций сенсорной психики как раз и требуют контроля над собой со стороны сознания. Психика как система реакций живого организма на изменения среды функционирует в системе личности. И если это функционирование недостаточно эффективно с точки зрения криминального ассоциативного или поискового мышления, то это мышление своим волевым усилием стимулирует и развитие органического носителя. Но никакая психика ни сама по себе, ни по желанию психолога не может стать «высокоорганизованной», неизвестно ради чего. Она не имеет никакого представления ни о какой направленности личности, ни о дилеммах интеллекта. Для нее не существует самого этого вопроса — «ради чего». Об этом ей может сообщить только интеллект.

2. Переписка между сенсорной психикой и криминальным сознанием

Психика сенсорного типа, функционирующая в соответствии с витальными потребностями, «не знает», откуда пришли эти сигналы — от градации или от деградации, она вообще не желает знать, принадлежат ли эти сигналы а) более организованной системе или б) более трудным жизненным обстоятельствам. Единственное, что чувствует психика, — это изменения нагрузок в счетном *времени*. Эти хронометрически фиксируемые изменения нагрузок выполняют функцию стимулов для установления новых ассоциаций. Но сама психика как система инстинктов, рефлексов и эмоциональных состояний, не знает, *зачем* эти новые ассоциации. Ее *функция* состоит только в том, чтобы выжить путем усложнения нервных связей. В случае *деградирующего* или *преступного* типа она способна лишь анализировать и отправить *сигналы* удовлетворения потребности в еде, в безопасности, в комфорте. Этот сигнал психики о выполнении ее, психики, функции. Но *цель* интеллекта, как известно, совершенно другая. Его цель — это решение задачи, изобретение, открытие. Интеллект посылает психике соответствующий *сигнал* успеха или неуспеха для психической эмоции, но успеха интеллектуального, к уровню организации которого она равнодушна. Очевидно, *функции* психики и *цель* интеллекта различны.

Так вот психика сенсорного типа требует удовлетворения потребности от среды *вообще*, то есть независимо от уровня организации источника удовлетворения, будь то организация анализаторов, или организация интеллекта. Поэтому она начинает с самого простого состояния – с *влечения*, которое как мотив сигнализирует о себе сознанию. Пока влечение не связано с осознанной *целью*, оно не приводит к изменениям в поведении. В нашем случае, в случае преступного типа, цель обусловлена элементарными потребностями. Но то обстоятельство, что психика выходит из-под разумного контроля, говорит не только о распушенности психики, но и о слабости разума. Разум преступному типу заменяет его *убеждение* в виновности его социального окружения. В результате мотив, цель и форма *вины* выступают психическими компонентами преступного действия [6, с. 11]. А именно своеобразие формы вины состоит у преступного типа в переводе ее во внешне-обвиняющую *установку*. Это убеждение основано не на индивидуальном опыте, а всего лишь на *массовости* подобного мнения. Инстинкт подсказывает, что достижение потребительской цели создаст искомое праздное эмоциональное состояние, улучшит настроение. Сенсорной психике безразлично, что на деле тот слабый разум подменил цель *средствами*, и что сама она живет иллюзиями.

Психика как живая переживающая система бессознательно посредствует между этими различными уровнями организации — между а) системой электрохимических импульсов и б) системой знания. Психика не заинтересована ни в источнике, ни приемнике информации. Но в ее незаинтересованности заинтересованы окружающие ее системы на других уровнях организации мира. Во-первых, психика важна для мышления, поскольку с ее помощью можно расширять необходимые интеллекту возможности мозга. И, во-вторых, психика важна для мозгового носителя, поскольку она сигнализирует интеллекту о нервных перегрузках. Но самой психике безразлично, между какими уровнями систем она посредствует своими переживаниями. Она только *сообщает* живому индивиду настроением или эмоциональным тоном о состоянии безразличных для нее нейро- и интеллектуальной систем. Именно это безразличие сенсорной психики к ее системному окружению делает ее глухой к разумным увещаниям, когда чувства в свое время не были воспитаны. Напротив, она стремится использовать автокоммуникацию, для того чтобы командовать неразвитым рассудком.

Внешне похожее безразличное отношение к предмету восприятия выполняет *человеческая* психика *перцептивного* типа, то есть развитая до степени эмпатии, восхищения, благоговения, интуиции. Она отвечает высшим потребностям личности — потребностям в красоте, общении, творчестве. Но восхищается она равно и красотой богосотворенного пейзажа, и Мадонной Рафаэля, и благородным поступком, и семнадцатиугольником Гаусса. Она равно отвращается от безобразия и в цивилизации, и в организме, и в поведении. Но, в отличие от сенсорной, воспитанная человеческая психика способна и *стимулировать* интеллектуальное развитие, и *прислушиваться* к разумным доводам. В результате, как отмечает Дж. Мид, интернализированный разговор личности с собой представляет постоянный процесс внутриличностной коммуникации [8, р. 202-203]. То есть воспитанная психика небезразлична к уровню организации предмета восприятия. Именно поэтому она использует внутриличностную коммуникацию для развития апперцепции. Массовый же индивид от любой мелочи приходит в уныние, так же, как от любой глупости впадает в эйфорию. Для сенсорной массовой психики принципиально безразлично происхождение удовольствия или отвращения, то есть уровень организации источника удовольствия или отвращения. Поэтому безразличная к уровню организации стимула система реакций влечет *извращенные* формы удовлетворения элементарных потребностей.

Именно это безразличие сенсорной психики к источнику дискомфорта или равновесия дает возможность экспериментально рассматривать ее в системе взаимодействующих при ее посредстве факторов. И именно это безразличие ее жизненных реакций к *уровню организации* раздражителей позволяет неправомерно позитивизировать всякое психологическое знание. Воспитанная психика точно так же посредствует между различными уровнями организации мира, будучи сама одной из таких организаций. Но она равнодушна ни к пропорции, ни к дисгармонии как в вещном мире, так и в органическом и социальном устройствах, и сигнализирует интеллекту о них *развитыми* чувствами эмпатии, гармонии, тем самым стимулируя *развитие* интеллекта. Конструктивным результатом развивающей внутриличностной коммуникации, таким образом, является развитие самой личности [4, с. 56]. Если же психика упрощается до витального уровня организации, то она сигнализирует нервной системе об интеллектуальных перегрузках, вырабатывая не трудовые, а наоборот, *иждивенческие* привычки. В этом случае, в случае автокоммуникации преступного типа, результатом оказывается неизменность а) внешнеобвиняющих убеждений, б) иждивенческого образа жизни и в) антиправовой установки.

Человечность психики человека состоит в том, что она отвечает амбивалентности личности. А именно самостоятельно градуирующая континуум бытия личность стремится отвечать также и высшим потребностям. Это ее конструктивный «рефлексивный проект», как его называет Э. Гидденс [7, р. 32]. И, наоборот, *деградирующая* личность преступника — раз уж и ему не отказывают в личностном статусе — «проектирует» интеллект в соответствии со своими невротическими состояниями. В обоих случаях и обработанная в культуре, и витальная психика человека *передает* интеллекту информацию о своем состоянии. Только сообщает она в разных случаях о своих воспитанных или, наоборот, *извращенных* чувствах.

Мы и здесь видим, что *функции* психики и *цель* интеллекта различны. Воспитанная психика переживает момент жизни как творческий момент, но в тот же самый момент чувства *сообщают* внимательному интеллекту какую-то важную информацию для дальнейшей поиски и конструирования. Чувства — интеллекту. В зависимости от того, что удерживается в качестве *цели* — высшие переживания или элементарные страсти, открытие закономерности или рассудочное *функционирование*, — личность развивается или деградирует. Функционировать в какой-либо определенной структуре может отдельный субъект, выполняющий определенную социальную роль.

Но личность, если она самостоятельно развивается во времени, принципиально не функционирует. Личность не обращается в социальном пространстве, подобно тому, как обращаются деньги, индивиды и субъекты, а сама создает это пространство. Самостоятельная личность — это человек, следами которого являются ступени.

Спору нет, нелегко каждый нехоженный *Gradus ad Parnassum*. Но, градуируя временной континуум, личность способна интегрировать функционирующие субъекты в систему. Такова *волевая* регуляция поведения, то есть способность направлять энергию на предмет, мобилизуя для этого всю субличностную структуру. Ясно, что всякий живой индивид преобразует наличную *энергию* как один из своих витальных ресурсов в энергию действия сообразно уровню развития потребностей и в соответствии с мыслью о цели, *сообщаемой* психике интеллектом. Таким образом, между витальной психикой и преступным сознанием завязывается своеобразная *переписка*, подвигающая индивида в его самооправдании и внешнем обвинении. Но следует учесть, что живое как накопитель энергии вынуждено функционировать либо в *соответствии* с ощутимыми обстоятельствами, либо *сообразно* пониманию, с которым это живое носится. Как заметил Р. Музиль, человек оказался равно способен и на людоедство, и на критику чистого разума [3, с. 220].

Индивид, дошедший до состояния аккумулятора, подзаряжающегося от элементарного потребительства, к которому сведена цель существования, представляет собой *абсолютный нуль* деградации личности. Например, бурозубка рискует погибнуть, если хотя бы ненадолго прекратит есть. Она не знает этого, но она ощущает. У нее, видимо, имеется какое-то оригинальное решение проблемы сна. Но преступный тип, использующий и свой организм, и навыки, и умения, и все социальное окружение в качестве *средства* для достижения предельно простого конsumerистского состояния, оказывается по уровню организации ниже бурозубки, то есть превращается в чудовище. Ибо бурозубка не претендует на социализацию в интеллектуальном сообществе и разборчива в средствах в соответствии со своей видовой программой. Преступный же тип личности не остановится ни перед чем на пути к сведенной к нулю цели. Предел деградации личности — это редукция аргумента к *функции*, то есть, в конечном счете, исчезновение аргумента: $F(\text{---})$, например, --- ест. Все остальное сообщество в свете целеположенной еды предстает как пригодное или непригодное для подзарядки индивида путем частного потребления.

Такое асоциальное представление об окружающем сообществе в сознании преступного типа означает исчезновение мысли как ассоциированного способа существования интеллекта. Если говорят «личность преступника», то это только по психологической привычке. Но нет, будем нуль называть нулем. Естественно, что часть нейронного носителя, отвечающая за ассоциации, которыми представлена эвристическая деятельность, с течением поколений отмирает. Остается только небольшая часть нейронов, необходимая и достаточная для разработки мошеннических схем. Но и в этом случае используемые в разработке психические состояния полусна или дремоты безразличны как к источнику удовольствия, так и к результату поиска. Психика в данном случае функционирует, но не стимулируется жизненными обстоятельствами или мышлением до такой степени, чтобы наращивать объем серого вещества. Если ты идешь по песчаному берегу и, оглядываясь, видишь, что за тобой нет следов, значит, ты разлагаешься. Ты глядишь на свои руки... Для полноты картины остается добавить известное неприязненное отношение коллективов к своим талантливым работникам, и можно легко видеть как многотрудную историю мысли, так и ее перспективы в человеческом сообществе.

3. Комплексное формирование преступного умысла

С ранних лет жизни, как заметил А. Адлер, ребенку приписывается способность ставить идеально представленную цель и строить свое поведение «в соответствии» с *целью* [1, с. 9]. Но эта прескрипция так и остается внешней по отношению к психике ребенка, если цель не осознается как индивидуальный творческий акт. В этом случае цель не в состоянии охватить все его существо как некоторый уникальный объект. Соответственно, и личность не формируется как такого рода самостоятельный уникальный объект, организующий все свои психические и интеллектуальные структуры. В результате такой фиксированный рассудочный мир представлений не может впитать в себя никакой новый опыт.

Итак, элементарные потребности волнуют сенсорную психику смутными влечениями. На уровне *влечения*, как мы видели, цель не обязательно уже сформирована. Это обстоятельство, как правило, действительно для любого типа личности. В нашем случае, в случае личности преступного типа, целеполагание проходит в условиях элементарных потребностей в еде, в жилье, в безопасности. В этой структуре нет места высшей потребности в творчестве, возделываемой в конкретной культуре. Поэтому если высшие потребности продолжают оставаться в небрежении, то *влечение* оказывается сопоставленным с простой *потребительской* «целью». В результате место цели неявно занимает некоторое *средство*, которое массовое сознание и принимает за цель. При таком «соображении» категория цель теряет свое превосходное продуктивное качество. Например, «телефон», «автомобиль» в качестве предмета влечения сами по себе не вносят никаких изменений в текущее поведение любого индивида. Но стоит увязать предмет влечения с некоторым *целезамещающим представлением*, как тут же вся жизнь обретает новые краски.

А именно массовый индивид «ставит перед собой цель», но уже не задается вопросом «а не средство ли это для какой-нибудь еще цели?». Ибо «ставить цель» в данном случае означает всего лишь некоторое готовое представление, в то время как «задается вопросом» означало бы совершенно новое состояние сознания — мысль. Но как раз *мысль* как продуктивная интеграция представления или ряда представлений здесь и не требуется. Так обычно происходит с массовым индивидом, психика которого отягощена патологическими характеристиками. И первым признаком патологии характера выступает деформация целеполагания. Ибо цель означает выход за пределы ряда простых задач в область поиска новых алгоритмов. В несоответствии средства

цели, увязанной с влечением, проявляется амбивалентный характер понятия *патология*. Патология (греч.) означает знание о страстях. Индивид либо знает о своих страстях и владеет ими, либо не знает, и они владеют им. Доминирует в каждый данный момент пафос или логос, третьего не дано. Личность преступного типа – в той мере, в какой можно говорить о ней как о личности, – подвержена, как правило, именно страстям. Эта подверженность психики страстям и их доминирование над рассудком характеризуют поведение индивида как *псевдоцелесообразное* в пределах представлений о предмете влечения.

Такая подмена цели средством происходит помимо самого массового сознания. А именно вещь, обстоятельство, отношение принимаются за цель не на основе опыта данного индивида, а на основе известной нам уже *массовости* мнения о вещи, обстоятельстве, отношении. Это свойство — массовость — является существенным для абстрактного «мышления» индивида, бегущего от реальности. В самом деле, каждый из нас принадлежит каким-нибудь массовым слоям, но не как вся личность в целом, а только как отдельный субъект. Если же индивид забывает о своем призвании индивидуальной интеграции субъектов, то его легко свести к одномерному существу. То есть по своему социальному происхождению преступный тип является массовым индивидом, сведенным к единственному субъекту. В результате осознание некоторой «цели» устанавливается взаимнооднозначное соответствие этой «цели» влечению и наоборот. Это соответствие фиксируется психикой как некоторый *комплекс*. С помощью этой связи устанавливается коммуникация между элементарно мотивированной психикой и *псевдоцелесообразным* рассудком. Психика сообщает сознанию о своем состоянии.

После того, как некоторая цель осознана, соответствующее сообщение поступает от сознания в систему реакций, и влечение трансформируется в *желание*. Так складывается следующий комплекс «цель – желание». Желание более интенсивно стимулирует сознание в его дальнейших соображениях. Таким путем сознание сообщается с психическим состоянием. Переход от состояния влечения к состоянию желания может быть обозначен как *переживание*. Это переживание как элементарный переход от одного психического состояния к другому при *подмене* цели средствами составляет структурную единицу опыта преступного типа. Сознание сообщает нечто психике как системе реакций живого организма на изменения среды. В частности, то, что *цель* осознана. Далее желание, в свою очередь, не продвинется ни на шаг без осознания *средств* достижения указанной цели. А именно осознание средств означает, как кажется, установление элементарного рассудочного соображения «средство-цель». В действительности установлено иллюзорное соображение «средство-средство», основанное на асоциальном убеждении. Теперь желание в виду такой определенности сознания получает возможность разогреваться до уровня *стремления*.

Психическое состояние стремления усиливает душевное напряжение, тем самым утверждает себя в общем составе мотивации. К этому составу добавляются также скрытые от сознания так называемые *мотивы в свернутом виде*. К ним относятся также доведенные до установочного уровня вредные привычки, акцентуации и латентные психопатии. Наряду с явными мотивами свернутые мотивы действуют как катализаторы психических реакций. Состояние стремления в свою очередь информирует сознание — оно стимулирует сознание на дальнейший поиск путей достижения цели, чаще всего первыми попавшимися средствами – и наталкивается на «*препятствия*». Записывается следующий комплекс «стремление-препятствия». На этом этапе формирования преступной мотивации важно то, что именно *правовые* нормы, защищающие общественные ценности, осознаются как препятствия на пути к осуществлению *целесообразного* представления. Характерной чертой в случае преступного типа личности оказывается то обстоятельство, что *соображение* от средств к препятствиям функционирует в качестве дополнительного стимула к преступному действию.

Осознав препятствия, рассудок вновь информирует психику, которая теперь от стремления распаляется до *намерения*. Этот комплекс «препятствия-намерение» разорвать практически уже невозможно, поскольку первая ошибка подмены цели средствами подкреплена здесь мощным переживанием. На стадии намерения ощущается уже такой уровень психической энергии, что, похоже, уже ничто не сможет остановить. В этом состоянии психика подвержена самым малым раздражителям, и любое незначительное изменение в окружении часто оказываются поводом для так называемых *безмотивных преступлений*. Например, при импульсивных состояниях, когда побуждение непосредственно дает стремительную, неосознанную разрядку в преступном действии [5, с. 162-164]. Эта новая конкретность психического переживания — намерение — сигнализирует сознанию о необходимости последнего осознанного шага – о необходимости формирования *преступного умысла*. Устанавливается завершающая связь «намерение-умысел». После этого обычно приступают к его осуществлению в виде программы конкретных действий.

Как видно, интенция выступает результатом довольно интенсивного обмена информацией между необузданной психикой и слабым рассудком. Так, поочередно – *комплексно* – стимулируя друг друга, элементарно мотивированная психика и нерефлектирующий рассудок ведут личность по ступеням деградации. Именно деградирующее нисхождение и соответствует бессознательно принятому принципу ухода от реальности. Ибо есть только одна реальность, в условиях которой только и произошел человек, — работа над собой. Структурную отчетливость эти состояния приобретают благодаря взаимной сообщаемости психики и сознания. В результате вырабатывается психический механизм внешнеобвиняющей установки. Личность преступника тщетно продолжает искать «баланс» между разболтанной системой реакций и осознанными враждебными обстоятельствами.

Очевидно, коммуникация совершенно безразлична к тому, что передается и кому передается — от психики интеллекту или от интеллекта психике. Массовая психика, то есть выработанная на массовости привычных реакций, далеко не всегда способна среагировать на новое происшествие. Гораздо проще найти

подходящую реакцию из стандартного набора, характерную для данного социального слоя. Массовая психика представляет собой систему *стереотипных* реакций живого организма на изменение социальной среды. Преобладание стереотипных реакций над поиском новых алгоритмов решения задач – вот что отличает психику массового человека от продуктивно воспитанной психики. Информацию о том, в чем неспособна разобраться психика как система стереотипных реакций, она запрашивает в интеллекте как в некоторой распознающей системе, если, конечно, в интеллекте нет брешей. То, в чем неспособен разобраться интеллект как распознающая система, некритически допускается им как данность. Лишенная интеллектуальной поддержки психика как всего лишь простая система реакций не имеет возможности развиваться в систему развитых чувств и интуиции, какой является человеческая перцептивная психика.

Также и самостоятельный интеллект в своих рассуждениях ищет подтверждения в чувственном опыте перцептивной психики. Если, конечно, чувства развиты настолько богато, чтобы не сузить кругозор. В противном случае постепенно, незаметно для самого себя человек сползает к дикости: то в уме брешь, то в душе. Сознание как индивидуальное достижение, едва пробудившись, гаснет. Его место занимает преимущественно массив готовых представлений, некритически принимаемых. И наоборот, брешь в душе допускают проникновение в нее, как говорят, дурных мыслей. Эмоция страха, замешательства запрашивает интеллект как распознающую систему, но массовый интеллект, вместо того, чтобы анализировать новый образ и расширять кругозор, транслирует известные штампы. Готовое же представление произвольно информирует психику, вызывая и утверждая неадекватные образу эмоции. Очевидно, эволюция дарует живому существу мозг как биотическую систему коммуникации, но не ради коммуникации. Догадываясь об истинном предназначении человека, массовый индивид предпочитает не входить в подробности.

Заключение

Таким образом, рассмотренные слабые места то в психике, то в интеллекте рождают то истероидные, то слаборазвитые типы — все результаты бегства от реальности. Субличностная коммуникация в ядре психика-интеллект передает некоторую информацию от одной инстанции к другой, но информация из души может и не натолкнуть на мысль, а, в свою очередь, информация от сознания может и не волновать. Личность распадается. Распадается она, как мы видели, уже на этапе выбора средств. Поэтому сознание возникает в коммуникации, но оно не возникает в коммуникации. Точно так же обстоят дела и далее, в межличностной коммуникации. Но каких личностей? Человек своими действиями и сообщениями создает конкретную ситуацию, но из этого вовсе не следует расхожее со времен Вольтера мнение, что люди (какие люди?) являются творцами своего мира и судьбы. Для того чтобы квалифицировать данный тип поведения как творение, нужно, чтобы отдельные действия были структурированы внутренним законом целого. Но как раз массовый человек, бегущий от реальности, этого осмысленного творческого замысла в своих действиях и не демонстрирует. То, что результируется из его неосознанных действий, вовсе не то, «что он хотел». Более того, он не понимает, что то, что получилось в результате его действий и сообщений, суть только следы его бегства от реальности. То, что квалифицируется им как «судьба», вовсе не им самим суждено. Поэтому в бедствиях своих он, как замечает Сократ, склонен винить судьбу, других, но только не себя. Бедствия воспринимаются им как обусловленные его окружением, но не как следствия его иллюзий.

Список литературы

1. Адлер А. Понять природу человека / Гуманитарное агентство «Академический проект». СПб., 1997.
2. Балацкий Е. В. Витальные ресурсы и контуры сознания // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 6. С. 531-537.
3. Музиль Р. Человек без свойств. М., 1984.
4. Пивоваров А. М. Внутрличностная коммуникация как предмет социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 4.
5. Судебная психиатрия. М., 1987.
6. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М.: Проспект; ТК «Велби», 2006.
7. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991.
8. Mead G. H. On Social Psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1964.

SUBPERSONAL COMMUNICATION OF CRIMINAL TYPE

Schastliltsev Aleksandr Nikolaevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President (The Second Tambov Branch)

a.alter2010@yandex.ru

The author considers the mental mechanisms of criminal behaviour, analyzes the transitions of mental conditions as a consecutive motivation of the crime, reveals communicative relations between mentality and the consciousness of criminal type, and pays special attention to the analysis of anti-social and anti-legal aims formation and the conscious process of criminal intention construction.

Key words and phrases: personality; criminal type; degradation; mentality; purpose substituting representation; complex; experience; communication; criminal intention.